КЛУБ ИВИ

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович

доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
Электронная почта: kuznetsov.2012@mail.ru

История Дерсу Узала, рассказанная В.К. Арсеньевым, как выражение «всемерстительности души»

doi: 10.24866/2542-1611/2017-3/108-120

*В.К. Арсеньев,
Дерсу Узала,
всемерстительность
души,
Д. Конрад,
Ф. Коппола,
Россия,
Запад*

В статье предлагается анализ повестей В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» и «Сердце тьмы» Д. Конрада, а также их экранизаций Акиры Куросава и Ф. Коппола в контексте идеи всемерстительности души В.В. Малявина. В результате были установлены две модели отношения авторов и их героев к представителям коренного населения. Первая – представленная В.К. Арсеньевым, характеризуется признанием своего проводника-нанайца как личности. Другая – реализованная Д. Конрадом и Ф. Копполой, не предполагает такого отношения. Проецирование полученных выводов на современные дебаты о монополярном – многополярном мироустройстве приводит к заключению, что в основе этих дискуссий, как и разных позиций писателей и художников лежат более глубокие различия «цивилизационного» характера. Эти различия обусловлены складыванием в разных общностях качества «всемерстительности души», или же его отсутствия.

К 145-летию В.К. Арсеньева

Так уж повелось в России, что у нас литература – больше, чем литература, поэт – больше, чем поэт и, вообще, личность – больше, чем институт. Следуя этой логике, можно предположить: а может быть, и Арсеньев сегодня – больше, чем известный нам В.К. Арсеньев? Несмотря на кажущуюся парадоксальность подобного вопроса, попробуем посмотреть с такой точки зрения, как еще может открыться для нас Владимир Клавдиевич Арсеньев? То, что он – военный – безусловно, путешественник – да, известный писатель – конечно, исследователь природы, истории, археологии, этнографии Дальнего Востока – тоже верно. К тому же он – человек своего века, на долю которого выпали тяготы первопроходца, войны, революции и другие потрясения первой трети XX столетия. Этот перечень можно при желании еще продолжить, но, очевидно, что всё это будут лишь очередные грани и черточки Личности Владимира Клавдиевича и его таланта.

Попытка же понять загадки личности нашего замечательного дальневосточника и его идей поневоле заставляет вспомнить расхожее клише: «Большое видится на расстоянии». В самом деле, для современников дореволюционной поры офицер и известный путешественник В.К. Арсеньев, получивший ау-

диенцию у императора Николая II, – это одна история. Впрочем, она не помешала «просвещенному» генерал-губернатору Приамурского края Гондатти указать своему служащему Арсеньеву на его место. После революции для него – бывшего офицера и работника ряда советских учреждений – началась уже другая история. Понятно, что для сотрудников органов ГПУ-ОГПУ и гражданина Сичкина, с которым директор музея в Хабаровске Арсеньев некоторое время делил квартиру, – он был особой темой. И кто знает, как сложилась бы судьба Владимира Клавдиевича, учитывая трагедию, произошедшую с его женой Маргаритой Николаевной, доживи он до начала больших репрессий 1930-х.

В свое время доклады и рассказы В.К. Арсеньева о дебрях Уссурийского края во время его поездки в 1910–1911 гг. по столицам империи получили признание в научных кругах, но не вызвали особого отклика в литературной среде. Она восприняла их как повествование о дикой экзотике территории, еще не подвергшейся благотворному влиянию цивилизации [21]. Известно также, что начинающий писатель Арсеньев, несмотря на высокую оценку его книги А.М. Горьким, не был и не мог быть особо признан другими работниками этого «цеха» в период противостояния РАППа и «Передела».

Более адекватное признание значения деятельности Арсеньева начинает формироваться после окончания Великой отечественной и завершения на Дальнем Востоке Второй мировой войны. В это суровое время произошло пускай и частичное, но все-таки знаменательное возвращение нашей страны к историческим корням. Как оказалось, невзирая на все перипетии времени, не был забыт и Владимир Клавдиевич. Не случайно уже 4 сентября 1945 года Приморскому краеведческому музею было присвоено имя этого исследователя Дальневосточного края. Новые условия позволили издать во Владивостоке в 1947–1948 гг. первое собрание сочинений В.К. Арсеньева. Тогда же стали появляться первые публикации, оценивавшие его научный вклад в исследование нашего региона [15, 19]. Показательным для складывавшегося на тот момент отношения к Владимиру Клавдиевичу и его наследию является присвоение в декабре 1952 г. бывшему рабочему поселку Семеновка нового статуса и названия, в результате чего он стал городом Арсеньевым. Теперь уже имя В.К. Арсеньева для многих советских людей прочно ассоциировалось с Дальним Востоком России. Однако какие-то значимые общественные мероприятия в его честь начали проходить с 1972 г., когда отмечался столетний юбилей Арсеньева. Тогда же был установлен известный памятник в носящем его имя городе. В это время значимый вклад в дело популяризации значения арсеньевского наследию внесли М.К. Азадовский, Ф.Ф. Аристов, Т.Ф. Аристова, А.И. Тарасова (Васина), И.С. Кузьмичев, В.Т. Кучерявенко. Но на данном этапе Владимир Клавдиевич получил признание скорее в качестве «краеведа» в высоком значении этого слова. В результате переиздания его книг, в том числе и за границей, ширилась также его известность как писателя [20, 31].

Постепенно из отдельных событий, публикаций и заметок о жизни и деятельности В.К. Арсеньева стала формироваться некая «критическая масса», подготовившая условия для переоценки сложившихся представлений об Арсеньеве и его деятельности, осво-

Рис. 1.
В.К. Арсеньев.
Источник: <http://dergachev-va.livejournal.com/152268.html>

бождения от накопившихся в его отношении стереотипов и предрассудков. По-видимому, в качестве катализатора этого процесса выступили и общественные настроения, разворачивавшиеся в нашей стране в предперестроечный и в начале перестроечного периода. Перемены, вызванные этими настроениями, позволили снять идеологические и другие запреты в осмыслении нашего прошлого и его видных деятелей, включая В.К. Арсеньева. Поэтому есть все основания утверждать, что именно в 1980-е гг. завершилось становление арсениеведения как самостоятельного направления научных исследований. С 1982 г. в Хабаровске, Уссурийске, во Владивостоке, а потом и в Кавалерово стали проводиться Арсеньевские чтения [4–10, 13, 18, 25]. В 1985 г. увидела свет первая научная биография В.К. Арсеньева, подготовленная А.И. Тарасовой [29]. С тех пор количество биографи-

ческих и краеведческих публикаций, посвященных В.К. Арсеньеву, постоянно увеличивалось [30–32]. Владивостокским издательством «Рубеж» с 2007 г. начато новое издание произведений В.К. Арсеньева. Как результат этой систематизированной работы значительно обогатились и расширились наши знания о самом Арсеньеве, его окружении и проведенных им исследованиях [14]. Не удивительно, что мы наблюдаем качественные изменения и в признании значения его поистине титанической деятельности [2, 27, 28].

Нет, и сегодня появляются публикации, исправляющие ошибки «недоучившегося» В.К. Арсеньева [12]. Есть авторы, которые настойчиво стараются разоблачить некий умысел штабс-капитана Арсеньева и реальное предназначение проведенных им экспедиций [33]. Как тут не вспомнить абсурдные обвинения в «великодержавном шовинизме», выдвинутые против Владимира Клавдиевича еще в 1920-х гг. А. Липским (Куренковым). Но мы, понимая наличие примет своего времени, присущих некоторым фактам и идеям Владимира Клавдиевича, должны не столько фиксировать их, как понять, зачем он и его работы нужны нам, живущим в XXI веке. Поэтому я хотел бы опять вернуться к повести «Дерсу Узала» и ее последующей судьбе, чтобы показать, каким образом наследие Арсеньева может быть включено в обсуждение одной злободневной проблемы современности. Ведь не случайно история взаимоотношений российского офицера и его проводника-аборигена и сегодня вызывает интерес у серьезных исследователей, например В.В. Малявина.

Известный российский востоковед, в своем переосмыслении феномена Евразии приходит к выводу: «Всевместительность души (здесь и далее курсив мой – А. К.) – вот источник силы и подлинная

тайна евразийского мира. Его история показывает, что люди могут жить в душевном согласии, даже ничего не зная друг о друге... И недаром для мудрецов Востока мир был бесконечно разнообразным хором «переменчивых голосов», где звуки перекликаются в спонтанном ритме самой жизни, не подчиняясь правилам и расчетам. Великим литературным памятником этому опыту открытия себя в другом стало творчество ученого и писателя Дальневосточного края Владимира Арсеньева [22, с. 8–9] Чтобы понять, о какой «всемерстительности души» здесь может идти речь, позволю себе напомнить некоторые факты из жизни В.К. Арсеньева.

Как известно, этот «петербургский молодой человек», наслушавшись рассказов и начитавшись правильных книг, стал мечтать о путешествиях. Мечты привели его в юнкерское училище, где он усвоил «российскую военную школу».

Добившись перевода на Дальний Восток и став начальником охотничьей команды, Арсеньев в 1906 г. получил возможность провести большую экспедицию в малоизвестную горную страну Сихотэ-Алиня. Первозданная дикость Уссурийского края произвела впечатление на нашего представителя «просвещенной Европы». В его дневнике экспедиции 1906 г. мы находим такое признание от 22 августа: «Поднявшись на самую вершину, я увидел громадную площадь гор, которые будучи значительно ниже этой горы, сливались в одну сплошную массу мелких складок... Нигде не было видно чистого ровного места. Все горы, острые сопки, высокие горы, низкие широкие и узкие долины, извиляющиеся во все стороны и в разных направлениях, сплошь покрыты лесом. Тайга, тайга и тайга. Глядя на эту сплошную необозримую массу лесов, теряющуюся вместе с горами на горизонте, положительно становится *жутко при мысли быть одиноко затерянным в этой дикой пустыне*» [24, с. 58]. Довольно скоро Владимир Клавдиевич смог понять, что все его прежние знания и начитанность не имели особого значения в этом первозданном мире. Но к этому времени 3 августа уже произошла знаковая встреча, описанная в дневнике: «У нашего огня стоял пожилой человек невысокого роста, приземистый, с выпуклой грудью, несколько кривоногий. Лицо его плоское было покрыто загаром, а складки у глаз, на лбу и щеках красноречиво говорили, что ему лет около 50-ти. Небольшие каштанового цвета редкие усы, редкая в несколько волосков борода, выдающиеся скулы у глаз изобличали в нем гольда» [24, с. 49]. Вот этот далекий от цивилизации «инородец» Дерсу совершенно спокойно мог один существовать там, где для Арсеньева была лишь дикая пустыня и от одной мысли о том, чтобы оказаться в одиночку заброшенным в ней, становилось *жут-*

Рис. 2.
Дерсу Узала.
Источник: kobtv.
narod.ru/film/dersu-uzala.html

Рис. 3.
Д. Конрад.
Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/84#/media/File:Joseph_Conrad.PNG

ко. Надо отдать должное Владимиру Клавдиевичу, который смог не только оценить очевидные выгоды от приобретения столь ценного проводника, но и отнестся к этому человеку безо всякой фанатерии, постарался искренне понять его, а потом стал его другом и сделал героем своего первого художественного произведения.

Значение поступков нашего соотечественника станет более очевидным в сравнении с другими примерами отношения к обстоятельствам подобного рода. Здесь я хотел бы обратиться к известной повести английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (Теодор Юзеф Конрад Коженёвский 1857–1924) «Сердце тьмы», написанной по личным впечатлениям от плаваний, в том числе и в Африку.

Местом действия этой повести, появившейся в 1902 г. – в то время, когда В.К. Арсеньев провел свою первую экспедицию к озеру Ханка, является район реки Конго. Герой ее – глава торговой фактории Курц в своей статье, предназначавшейся

для открытой печати, «... развивал ту мысль, что, мы, белые, достигшие известной степени развития, «должны казаться им (дикарям) существами сверхъестественными. Мы к ним приходим могущественными, словно боги» – и так далее и так далее. Тренируя нашу волю, мы можем добиться власти неограниченной и благотворной». Следуя своим правилам, этот предприниматель добился желаемой власти над туземцами и достиг больших успехов в поставках слоновой кости. Но, несмотря на свои успехи, он не смог выжить в этом «сердце тьмы». Мало того, свой африканский опыт Курц уже для себя обобщил следующим образом: «... только в конце последней страницы – видимо, спустя большой промежуток времени – была нацарапана нетвердой рукой заметка, которую можно рассматривать как изложение метода. Она очень проста и, после трогательного призыва ко всем альтруистическим чувствам, она вас ослепляет и устрашает, как вспышка молнии в ясном небе: «Истребляйте всех скотов!». Рефреном же через всю эту повесть проходят слова героя: «Ужас, ужас, ужас»!!! [16, с. 72]. У читателя Конрада явно должно было сложиться впечатление, что цивилизованный человек не может существовать в таких диких краях, а туземное население после выполнения определенных задач должно быть «нейтрализовано». Одним словом, Запад есть Запад, Восток есть Восток... и трудно понять, почему некоторые критики увидели в этом тексте, ни много ни мало, некое обличение империализма [35].

Владимир Клавдиевич, изложивший свой опыт и впечатления и в известной повести, как мы увидели, также испытал вполне определенное чувство от наших дальневосточных «джунглей». Но пришел то он совсем к другим идеям по отношению к коренному населению, совершенно несвойственным приверженцам «великодержавного шовинизма»! [3]. Может, всё дело здесь в личном гуманизме, свойственном только В.К. Арсеньеву? Но почему В.В. Малявин увидел в этой истории нечто более значимое? Для понимания рассматриваемой ситуации важным обстоятельством представляется другой факт – обе обсуждаемые повести позднее послужили основой для их экранизации. В условиях начавшейся политики разрядки, как известно, знаменитый кинорежиссер Акира Курасава получил разрешение властей Советского Союза снять новый фильм «Дерсу Узала». Съемки на натуре прошли в Приморье в 1974–1975 гг., премьера кинофильма состоялась 2 августа 1975 г. в Токио, а уже в 1976 г. он получил Оскара, как лучший зарубежный фильм. Для полноты картины напомним, что тогда же номинировались на эту престижную премию по основным категориям такие кинопроизведения, как «Челюсти» и «Пролетая над гнездом кукушки».

«Дерсу Узала» был поставлен по объединенному сценарию, подготовленному японской и российской сторонами. Понятно, что пришлось идти на компромиссы. Как вспоминал известный писатель Ю.М. Нагибин – автор второй версии сценария: «Мы расходились буквально во всем. Я пытался взбодрить эту довольно *нудную историю*. Но Курасава сказал: «Я не хочу создавать восточный вестерн.

Рис. 4.
Съемки фильма
Дерсу Узала. На
переднем плане
Акира Курасава,
справа – ис-
полнитель роли
Дерсу Узала актер
М.М. Мунзук.
Источник: [http://
www.tuvaonline.
ru/2016/09/11/v-
god-40-letiya-
polucheniya-
rossiyskim-filmom-
dersu-uzala-premii-
oskar-v-tuve-
proydet-kinofestival-
zhivaya-tropa](http://www.tuvaonline.ru/2016/09/11/v-god-40-letiya-polucheniya-rossiyskim-filmom-dersu-uzala-premii-oskar-v-tuve-proydet-kinofestival-zhivaya-tropa)

Рис. 5.
Ф. Коппола
Источник: http://www.vokrug.tv/person/show/francis_ford_coppola/

Пусть люди чувствуют свежий воздух, когда будут смотреть на экран. Больше мне ничего не нужно» [23, с. 46]. Учитывая экологическую обстановку, сложившуюся к началу 1970-х гг. в Токио, позиция японского режиссера вполне понятна. Оценка же повести как «нудной истории» вызывает вопросы в связи с последующим успехом фильма. Впрочем, некоторые российские зрители и позднее отнеслись к этой истории и к фильму достаточно сдержанно, но и они смогли уловить важные нюансы: «Значение здесь имеет своеобразный мир Дерсу Узалы. Я написал бы «существующий в голове у Дерсу», но здесь был бы риск, что меня неправильно поймут — мол, мы вот с вами живём в некоем объективном, правильном мире, а Дерсу, мол, в выдуманном. Нет. На самом деле все мы живём в той или иной степени в выдуманных мирах. Просто наши

выдумки существенно отличаются от тех, среди которых существует Дерсу» [26].

Сравним, как восприняли этот фильм европейцы: «Перед нами не просто приключение, но также редкая по красоте кинематографическая поэма, поющая *гимн природе*, которая может быть равно прекрасной и несущей погибель, природу можно назвать третьим персонажем этой истории; это также поэма о трогательном благородстве чувств, примером которого являются отношения между Арсеньевым и Узалой и то, как последний учит своих *спутников узнавать, чувствовать и с уважением относиться к миру природы* и быть щедрым по отношению к тем, кто проходит теми же лесными путями или живет их дарами» [11]. Здесь пока ограничимся закладкой: зарубежного зрителя больше заинтересовала в «Дерсу Узала» природа (ресурсы) и отношение к ней, но не взаимоотношения героев. Российская аудитория как раз откликнулась на героев и их «миры».

Практически одновременно к экранизации «Сердца тьмы» решил обратиться после успеха своего «Крестного отца» известный американский кинорежиссер Френсис Форд Коппола. Учитывая неудачи своих предшественников, они вместе с Д. Милиусом и М. Герра кардинально переработали текст повести и дали своему детищу название «Апокалипсис сегодня». Действие теперь происходит во Вьетнаме в 1969 г. на пике войны. Главные герои – офицеры специальных подразделений армии США. Сами съемки прошли в 1976–1977 гг. на Филиппинах, на которых в это время шли боевые действия с повстанцами. Поэтому Коппола имел полное право сказать на пресс-конференции в Каннах: «Мой фильм — не о Вьетнаме; он *и есть* Вьетнам». Долгожданная премьера кинофильма состоялась только в 1979 г. Коппола не получил за свою работу Оскара,

но в Списке Американской киноакадемии «100 лет – 100 фильмов» «Апокалипсис сегодня» получил 28 место.

По замыслу авторов сценария, их герой – капитан Уиллард, вызванный из операций в джунглях и только что переживший личную драму, получает задание убить полковника черных беретов Курца, который, по мнению командования, сошел с ума. На границе Вьетнама и Камбоджи он создал из *местных жителей*, которые стали почитать полковника как божество, свою армию, отказался выполнять приказы из Сайгона и расстрелял нескольких двойных агентов. Уилларду удалось встретиться с Курцем, и он исполнил свою миссию. Однако еще во время своего тяжелого пути он пытался понять, кто такой этот «мятежник» и что с ним случилось. Личная встреча разрешила все сомнения, Курц словно ждал его – посланника своего мира, чтобы «раскрыть душу». Откровения получились очень знаковыми: «Человеку невозможно объяснить словами, что такое необходимость, если он не знает, что значит ужас, ужас, ужас. Ужас имеет своё лицо... и ужас должен стать твоим другом, иначе он станет твоим врагом, которого ты будешь бояться... злейшим врагом... И я понял, что они [т.е. аборигены. – А.К.] сильнее нас, потому что они могли вынести это. Это были не монстры, это были люди... тренированные кадры. У них были семьи, у них были дети, их сердца были полны любви... но у них была сила — сила, чтобы сделать это... Нам нужны люди, обладающие высокой моралью, но в то же время способные мобилизовать свои первобытные инстинкты и убивать без чувства, без страсти, не пытаясь судить... Потому что именно желание судить делает нас слабее и приводит к поражению». Как и в «Сердце тьмы», Уиллард

Рис. 6.
Актер М. Брандо
в роли полковника
Курца.
Источник: [https://
www.kinopoisk.ru/
picture/702715/](https://www.kinopoisk.ru/picture/702715/)

Рис. 7.
П. А. Кропоткин
Источник: [http://
anarcoefemerides.
baleaerweb.net/](http://anarcoefemerides.baleaerweb.net/)

находит отпечатанный доклад полковника. Перелистывая его, он обнаруживает сделанную рукой Курца надпись: «Сбросьте атомную бомбу. Уничтожьте их всех!» И снова проходит рефреном ужас..., ужас..., ужас [1]. К слову, некоторые американские генералы предлагали на самом деле применить атомные бомбы во время той же Корейской войны. В этом месте поставим еще одну закладку: вот очень примечательный вариант «невсесовместимости души».

Мало кто обратил внимание, что во время «момента истины» на столе полковника Курца лежала известная книга британского антрополога Д. Фрэзера «Золотая ветвь» с закладками. Фактически, сценаристы в финале своего «Апокалипсиса» воскресили описанный там древний ритуал, в соответствии с которым Уиллард должен был убить Курца, чтобы потом занять его место. Так

в киноэпопее Копполы реальность слилась с мифом и завершилась ритуалом. Однако капитан не занял место своего предшественника, оставляя нам надежду на то, что существует надежда разорвать этот круг бессмысленных убийств. Поэтому «Апокалипсис сегодня» стал не только одним из лучших фильмов о войне во Вьетнаме, но и явился талантливым протестом против войн вообще. Однако судьба каких-то там аборигенов совершенно не заинтересовала ни капитана Уилларда, ни создателей этого фильма.

Таким образом, своей повестью «Дерсу Узала» В. К. Арсеньев вступил в невольную полемику с Д. Конрадом, а затем Ф. Копполой. Как представляется, великий Курасава смог донести до мира одну линию этой повести - *цивилизация и природа*, ставшую очень актуальной к началу 1970-х гг. Однако он только повторил Владимира Клавдиевича, может быть, более значимой для него теме, восходящей еще к Ж. Ж. Руссо: взаимоотношение *цивилизованного и естественного человека* [34]. Именно в ней была продемонстрирована та самая всеместительность души, так воодушевившая В. В. Маякина. Герои других рассматриваемых произведений оказались не способны к такому свойству. Овладевший ими при «несении бремени белого человека» Ужас и собственная ограниченность так и не позволили обоим Курцам увидеть в «дикарях» человеческую сущность. Поэтому им нет места ни в сердцах этих героев, ни в «цивилизованном» мире вообще. В таком случае принципиальное различие между российским военным и писателем, и западными авторами заключается в том, что Арсеньев лично принял для себя своего героя, понеся тем самым *человеческое бремя*, но не «бремя белого человека». Поэтому он и продемонстрировал нам это качество всеместительности.

В настоящее время мы являемся свидетелями очередного обострения противостояния Запада с Россией. Снова нас обвиняют во всех грехах, включая агрессивность, попрание неких особых ценностей и т.д. В общем, надо ставить Россию «на место». К сожалению, оказывается, что со времен «Сердца тьмы» и «Апокалипсиса сегодня» здесь почти ничего не изменилось. По-видимому, убежденность в том, что только сила и принуждение со стороны «демократического, т.е. цивилизованного мира» способны повлиять на «Иных», сказалась и на этих решениях. Если вспомнить ранее случившуюся заочную полемику между Ч. Дарвином с его идеей естественного отбора и князем П. А. Кропоткиным, отстаивавшим значение взаимопомощи, то окажется, что корни проблемы наших взаимоотношений, как это показал и В.К. Арсеньев, оказывается гораздо более глубокими.

Ведь, как писал в 1902 г. про своих западных оппонентов Кропоткин: «... все они признавали, что *борьба за средства существования каждого отдельного животного против всех его сородичей, и каждого отдельного человека против всех людей*, является «законом природы» [17]. Отсюда и принцип «методологического индивидуализма», довлеющий над западной социальной наукой и другие сугубо западные откровения, вроде того же призыва «толерантить» друг друга. О каком взаимном признании и взаимопонимании, а уж тем более всевместительности здесь может идти речь? Нет, конечно, и на Западе были и есть подлинные гуманисты, тот же доктор А. Швейцер, Мать Тереза, которые были способны воспринять беды «туземцев». Немало хорошего сделали также американские и британские антропологи, выступая зачастую защитниками тех общностей, которые они исследовали. Но не они, к сожалению, определяли здесь доминирующие настроения.

Однако в силу исторических условий России в нашей стране на протяжении более тысячи лет уже шли процессы взаимодействия и интеграции самых разных этнических общностей: как оседлых, так и кочевников, как христиан, так и мусульман, буддистов и язычников. В результате у формировавшейся русской, а затем и российской общностей накопился богатый опыт добрососедского существования с самыми разными «Другими», позволявший в минуты тяжелых испытаний поступать как единому народу. Не случайно князь Э.Э. Ухтомский (1861–1921) в своей брошюре «К событиям в Китае», вышедшей в 1900 г. отмечал, что русские землепроходцы в Сибири «на каждом шагу открывали не новый мир, но зачастую с детства знакомый инородческий люд, с которым вовсе не трудно было – смотря по обстоятельствам – сражаться или ладить... К их дорожному или сторожевому костру по ночам без робости и отчуждения приближалась мало чем от них отличавшаяся фигура инородца. У общего котла и ему очищалось место, в общей незатейливой беседе и его голос получал иногда решающее значение...» [цит. по 22, с. 39–40]. Поэтому и Владимиру Клавдиевичу, достойному сыну нашей многонациональной страны, не было нужды как-то напрягаться, чтобы сразу принять Дерсу. Здесь будет также уместно вспомнить другого нашего замечательного исследователя Н.Н. Миклухо-Маклая (1846–1888) и его усилия по защите коренного населения Новой Гвинеи. Не менее примечательно, что именно наш замечательный ученый С.М. Широкогоров здесь же во Владивостоке в начале 1920-х гг. смог создать первую полноценную

теорию этноса, которая уравнивала берлинцев, лондонцев и парижан с индусами, африканцами и другими неевропейцами. Западная же наука только в 1960-х гг. смогла частично прийти к сходным идеям.

Учитывая, как настойчиво западные политики и обслуживающие их эксперты и консультанты продвигают сегодня идею монополярного миропорядка, в то время как Россия, сначала в лице Е. М. Примакова, активно ратует за его многополярность, полезно вспомнить историю, рассказанную В. К. Арсеньевым. Очевидно, что во всех рассмотренных ситуациях мы имеем дело не с какими-то частными обстоятельствами, но с более глубокими причинами, которые смогли актуализировать сначала деятели искусства. Учитывая постоянство проявлений неких образцов оценок, взаимоотношений и других социальных практик российских и западных писателей, кинематографистов, ученых и политиков можно утверждать, что за обнаруживаемыми различиями кроются причины, если угодно, «цивилизационного» характера, а потому они не зависят от взглядов и оценок конкретных людей, деятелей искусств и политики. Поэтому сегодня задача заключается не в подавлении отличных от чьих-то, почему-то назначенных «эталонными», ценностей, норм и правил, но учиться полноценному совместному общежитию. Обремененный колониальным прошлым Запад со всей своей толерантностью, «мультикультурализмом» и защитой прав человека-индивида пока способен только терпеть «Других», но не принять их. Сколько времени еще потребуется обучиться ему «совместности-совместительности» (В. В. Малявин) – трудно сказать. Но без такого обучения мы не сможем продвинуться к нашему общему светлому будущему.

Поэтому все мы должны быть благодарны В. К. Арсеньеву, который еще в начале прошлого века благодаря своему таланту писателя и интуиции исследователя смог показать нам не только словом, но и делом, что именно во «всемерительности души» заключается наша сила. Тем самым он еще прочертил в будущее тот вектор, который поможет всем нам уйти от противостояния между «исключительными» и «другими» к подлинно человеческому всеединству. С подачи Арсеньева, других наших первопроходцев Востока и, оценивая современные обстоятельства, В. В. Малявин уже вполне определенно приходит к выводу: «Подлинной основой русского мира помимо имперского *Pax Russica* и отчасти даже в оппозиции к нему стала эта естественная готовность признать за каждым человеком право не просто на формальные гражданские права, но на полноту бытийных возможностей жизни, что на самом деле и делает личность подлинно единственной и достойной уважения. Это готовность русского увидеть родного в инородце, что означает ведь (учитывая родство слова иное итальянскому *uno*, немецкому *ein* и т.д.) «единородный», есть дело любви к ближнему и веры в право каждого на счастье» [22, с. 40]. Но не в этом ли сегодня так нуждается наш пребывающий в растерянности и поиске новых смыслов мир!

Литература

1. Апокалипсис сегодня [Электронный документ] // Википедия – Свободная энциклопедия. URL https://ru.wikipedia.org/wiki/Апокалипсис_сегодня (Дата обращения 24.02.2017)
2. Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы и комментарии. – Владивосток: ДВО РАН, 2007. – 272 с.
3. Арсеньев В.К. Дерсу Узала // Арсеньев В.К. Сочинения. Т. II. – Владивосток: Примиздат, 1947. – 305 с.
4. Арсеньевские чтения: Тезисы докладов и сообщений, 7–8 апреля 1984 г. – Хабаровск, 1984. – 125 с.
5. Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной конференции по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. – Уссурийск, 1985. – 118 с.
6. Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной конференции по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. – Уссурийск, 1992. – 330 с.
7. Арсеньевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию ПГОМ имени В.К. Арсеньева. 13–14 сентября 2000. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 275 с.
8. Арсеньевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. 28–29 августа 2002 года. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 215 с.
9. Арсеньевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию ПГОМ имени В.К. Арсеньева. 28–29 сентября 2005. – Владивосток: Прим. гос. объедин. музей им. В.К. Арсеньева, 2005. – 191 с.
10. Арсеньевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. 25–28 сентября 2007 г. – Владивосток: Издательство «Краски», 2007. – 206 с.
11. Барруш Эурику де. Акира Куросава в российских краях [Электронный документ] // ИноСМИ.ru URL <http://inosmi.ru/culture/20160807/237466039.html> (Дата обращения 26.02.2017).
12. Березницкий С.В. О некоторых спорных вопросах научного наследия В.К. Арсеньева // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 102–105.
13. Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 209 с.
14. Доклад В.К. Арсеньева Далькрайкому ВКП(б) // Вестник ДВО РАН, 1995, № 3. С. 94–104.
15. Кабанов Н.Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев путешественник и натуралист. – М.: Моск. об-во испытателей природы, 1948. (Историческая серия № 29). – 95 с.
16. Конрад Д. Сердце тьмы. Повести и рассказы. – М.: ЭКСМО, 2014. С. 7–110.
17. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – Пб.; М., 1922. – VIII. 342 с.
18. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / Предисл. А.Ю. Федорова; Вступ. ст. М.И. Гольдсмит; Прилож. Д.И. Рублёва. Изд. 2-е, доп. – М.: URSS, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
19. Кузнецов А.М. Арсеньевские чтения: традиция и современность // Арсеньевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию ПГОМ имени В.К. Арсеньева. 13–14 сентября 2000. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 9–13.
20. Куренцов А.И. Научное значение исследований В.К. Арсеньева // Арсеньев В.К. Сочинения. Т. 1. – Владивосток, Примиздат, 1947. С. V–XI.
21. Кузьмичев И.С. Писатель Арсе-

- ньев. Личность и книги. – Л.: Советский писатель ленинградское отделение, 1977. – 236 с.
22. Лидин В. Новелла о В.К.Арсеньеве // Лидин В. Люди и встречи. – М.: Московский рабочий, 1980. – 168 с.
23. Малявин В.В. Евразия и всемирность: Новый взгляд на природу Евразии. – М.: РИПОЛ-Классик, 2015. – 460 с.
24. Нагибин Ю. Возвращение к детству (Из встречи в концертной студии Останкино, 1980 год) // 15 встреч в Останкино. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – С. 27–49
25. Полевые дневники экспедиции В.К. Арсеньева 1906 г. Макет издания // Записки ОИАК. Т. XXXVI. Вып. 1. 2002. С. 11–66.
26. Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). – Уссурийск, 1989. – 121 с.
27. Савочкин Д. Дерсу Узала в контексте полученного «Оскара» и неполученного признания [Электронный документ] // Журнал «Экранка.ру». Выпуск № 317. URL <http://www.ekranka.ru/film/250/> (Дата обращения 18.02.2017).
28. Соколов В. Арсеньевская история: онтологическая бдительность в эпоху перемен // Рубеж. 2012. № 12 (874). С. 331–339.
29. Старцев А.Ф. «Наследник» Золотой империи. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 203 с.
30. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1985. – 383 с.
31. Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. – М.: Наука. – 2005. – 221 с.
32. Хисамутдинов А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский // Записки ОИАК. 1997. Т. XXXI. С. 1–134.
33. Хисамутдинов А.А. «Мне сопутствовала счастливая звезда...». Биография Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930). – Владивосток: ДВО РАН, 2005. – 237 с.
34. Шарапов Ю. Одо мафа. – Владивосток: Издательство ИПСТАН. 2005. – 119 с.
35. Яроцкая Ю.А. Бремя белого человека – размышления В.К.Арсеньева и Р.Киплинга о том «как убийственно мы любим» // Арсеньевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. 28–29 августа 2002 года. – Владивосток: Изд-во дальневост. ун-та, 2002. С. 47–51.
36. Hawkins H. Conrad Critique of Imperialism in Heart of Darkness // PMLA (Modern Linguistic Association) Vol. 94. No. 2 (March 1979), pp. 286–289. DOI 10.2307/461892